

Е. Ларин

КУЗНЕЦ

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2010г.

Еларин

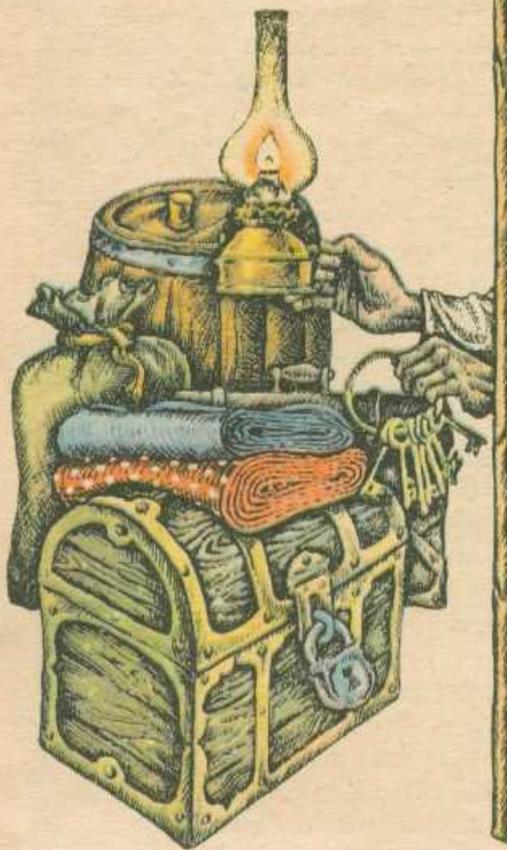
	КУЗНЕЦ	разбитая Чаша	25
11	ТРИ СЫНА	как мужик справедливость искал	33
19	НУЖДА НАУЧИТ	ОТЦОВСКИЙ Клад	43

Художник В. Коваль

Саратов
Приволжское книжное издательство
1982

КУЗНЕЦ

В одном городишке
Купец торговал.
Он целыми днями
Народ зазывал.
И всё норовил
Подороже продать,
Кого бы обвесить,
Кому б недодать.
Надуть-обмануть,
Сплутовать, обвести
И деньги чужие
В карман загрести —
Всё это считал он
В порядке вещей.
И тряся над золотом,
Словно Кашей.

Давно уже знали
Все люди вокруг
Проворство хапучих
Купеческих рук.
Продаст мужику он
Сатину аршин —
И всё же обманет
Его на алтын.
А ночью купец
Не лежит и не спит.
Как лист на осине,
От страха дрожит.
Всю ночь проверяет
Замки и запор.
И всё ему чудится:
Ломится вор...

А в том городке,
Где купец торговал,

Кузнец-работяга
Железо ковал.
Пройди по округе
С конца до конца —
И знает любой
Кузнеца-молодца.
К нему то и дело
С нуждой и бедой
По-свойски входил
Молодой и седой.
И всем без отказа
Кузнец помогал.
И тестом казался
Упругий металл.
Раздует мехи —
Только искры трещат.
А молотом стукнет —
И брызги летят,
Калёные, яркие и горячи,
Как будто от жаркого
Солнца лучи.
И любо ему, кузнецу,
От труда.
Его никогда
Не пугала нужда.
Он знай себе шутит
Да песню поёт:
«Кузнец,
А не молот
Железо куёт».
И дело звенело
В руках кузнеца.
И зависть заела
Жадюгу купца.
«Ну чем он доволен? —
Как будто богат,

Как будто нашёл
Кошелёк или клад.
Как будто в роскошных
Хоромах живёт.
С чего веселится?
С чего он поёт?
Ну, я вот торгую
Почти сорок лет.
У нас молока только
Птичьего нет.
Звенит мой червонец
Звончей молотка.
Рубли
Сундукам распирают бока.
Но мне же не весело.
Ночью и днём
Я только и думаю
Всё об одном:
Про торг да барыш,
Про товар да деньгу,
Не думать об этом,
Убей, не смогу.
А вот кузнеца
До конца не поймёшь.
В кармане порой
Не отыщется грош,
А весел! А шутит!
А голь не нужда!
А я вот не помню,
Смеялся когда...»

Однажды
Домой возвращался кузнец,
К нему обратился
С вопросом купец:
— Кузнец,

Почему ты
Спокойно живёшь?
Работаешь, шутишь
И песни поёшь?
— А что мне не петь? —
Отвечает кузнец. —
Хорошее дело —
Веселья венец.
Кто сыт, да здоров,
Да обут, да одет,
Тот весел и счастлив,
Говаривал дед.
— С чего же ты счастлив? —
Купец перебил. —
Поди, и рубля
Для себя не скопил?
Наверно, и семью-то
Кормишь едва?
С чего ж веселиться
Тебе, голова?

Сверкнули
В глазах кузнеца огоньки,
И он на торговца
Уставил зрачки:
— Кузнец — не купец,
И ему не с руки
Свои медяки
Запирать в сундуки.
Работаю я
От темна до темна,
Зато уж работа,
Как совесть, честна.
Плохого не делаю
Я никому
И лишней копейки

За труд не возьму.
— Неправда! —
Купец поглядел свысока. —
Имел бы ты деньги —
Не взял молотка. —
И тут же подумал:
«Хоть ты и хитрец,
А всё ж я тебя
Испытаю, шельмец...»

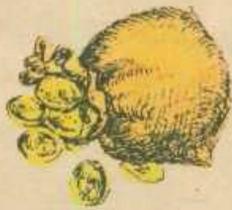

Наполнил деньгами
Купец кошелёк
И в кузню
Подбросил его под порог.
И песня затихла,
Умолк молоток
С тех пор, как кузнец
Подобрал кошелёк.
Лишился он сна
И покой потерял.
Сидит да считает
Тайком капитал.
«Что делают денежки! —
Думал купец. —
Забыл про народ
И про кузню кузнец.
Пойду полюбуюсь,
Какой же он стал
И много ль добра
Для людей наковал...»
— Ну, как поживаешь,
Весёлый дружок?
Ты мне не починишь
Лабазный замок? —
И, глазки прищуря,
Добавил хитро:
— Ты, кажется, делаешь
Людам добро?..

В два счёта кузнец
Исправляет замок.
Затем вынимает
Тугой кошелёк.
Взглянул на купца:
— Возвращаю опять.
Не стоит им

Совесть и руки марать.
Я целые ночи
С проклятым не спал.
Боялся, чтоб кто
Кошелёк не украл.
Понятно теперь,
Отчего по ночам
Не спится, не дремлет
Вам, богачам.

И бросил кузнец
Кошелёк за порог.
И вытер брезгливо
Ладонь о сапог.
Затем усмехнулся:
— Уж это закон —
С чужими деньгами
Некрепок и сон.
Пускай я за труд
Получаю гроши,
Но мне они
Дороги и хороши.
Я их приношу
Не украдкою в дом.
Я нажил их потом
И честным трудом.

ТРИ СЫНА

Ходили три брата
По белому свету.
Ходили-бродили
Зимою и летом.
Всё счастье искали,
Какое лишь снилось,
Но счастье мужицкое
Как провалилось.

Однажды в дороге
Их встретил прохожий
С седой бородой
И морщинистой кожей.
— Далече ли, хлопцы?
— А сами не знаем.
Вот бродим по свету
Да счастье шукаем...
И младший из братьев
В ответ размечтался:
— Вот если б хозяин
Хороший попался,
Мы, батя, работали б
Век у такого
И словно отца почитали родного.

Подумал прохожий.
— Ну, что делать с вами?
Я буду отцом вам,
А вы мне — сынами.
Сумеете вы
У меня научиться
По чести и совести
Жить и трудиться.

Шли братья за дедом
Лесами, лугами.

Ласкало их солнце
Косыми лучами.
И видят:
Стоят тополя вековые,
Большие-большие,
Густые-густые.
И дом деревянный
С ухоженным садом.
И чистенький прудик,
И мельница рядом.
— Чудесное место!
Прекраснее рая,—
Сказал старший брат,
На плотину кивая. —
Вот эту бы мельницу
Мне одному,
Я б за-ажил!..

Старик отвечает ему:
— Ну, что же, сыночек,
Не против и я.
Будь мельником,
Мельница эта — твоя.
Живи-поживай,
Добра наживай.
Да правду, как мать свою,
Не забывай...
Идут они дальше
Лесами, полями.
Пустые котомки
Висят за плечами.
Вздыхнут глубоко,
Что идти далеко.
С пустою котомкой
Шагать нелегко.
И видят: стоит

За чугунной оградой
Большой белокаменный
Дом с колоннадой.
У ближнего леса
Коровы мычат,
А рядом вишнёвый
Кольшется сад.
И средний вздыхает:
— Какое же чудо!
Я зажил бы
В этом приволье нехудо.
Косил бы траву,
Разводил бы стада.
Уж так надоела
Беда да нужда.
— Согласен, сынок,
Не тужи, и не сетуй.
Теперь ты хозяин
Усадьбы вот этой.
Живи-поживай,
Добра наживай
Да правду, как мать свою,
Не забывай...
И снова идут они,
Путь продолжая.
Дорога бежит
Без конца и без края.
То степью, то лесом,
То юркнет в долину,
То в гору взойдёт,
То сойдёт на равнину.
И вот за плетнём
Показалась избёнка.
Стоит у плетня
С коромыслом девчонка.
Большие глаза

На черешни похожи.
Как утро, свежа
И, как зорька, пригожа.
И сердце у парня
Забилось, как птица.
— Эх, мне бы
На девушке этой жениться!
Мы б землю пахали
И честно трудились.
Последним куском
С бедняками б делились,
Чтоб были довольны
Все бедные люди...
— Ну вот и отлично!
Пусть этак и будет.
Живи-поживай,
Добра наживай
Да правду, как мать свою,
Не забывай...
Шли дни,
И отец отправляется к детям
Узнать, как живут
Его дети на свете.
Как помнят отца
И как совесть хранят,
Как правдой и честью
Сыны дорожат.
Приходит на мельницу
К старшему сыну.
А сын отдыхает
В тени у плотины.
— Я странник убогий,
Подай мне, сыночек,
Иль горстку муки,
Или хлеба кусочек.
— Проваливай, старче,

Своею дорогой.
Таких попрошаек
Тут шляется много.

У среднего сына
Он встал под окошко.
— Подайте прохожему
Хлебца немножко...
А сын покосился
И стал укорять:
— Как это не стыдно
Куски собирать?
Не так ты уж стар,
Хоть и в старом наряде,
Чтоб шляться с сумой
И просить христа ради.

Пока он добрался
До младшего сына,
Последний листок
Обронила осина.
Курлыча, на юг
Журавли улетели,
Завыла пурга,
И запели метели.
Приходит к меньшому.
— Пустите погреться.
Да, может, найдётся
Хоть корочка хлебца.
Продрог до костей,
На ветру леденя.
Когда не поешь,
То костям холоднее...

Хозяйка за стол
Старика усадила,

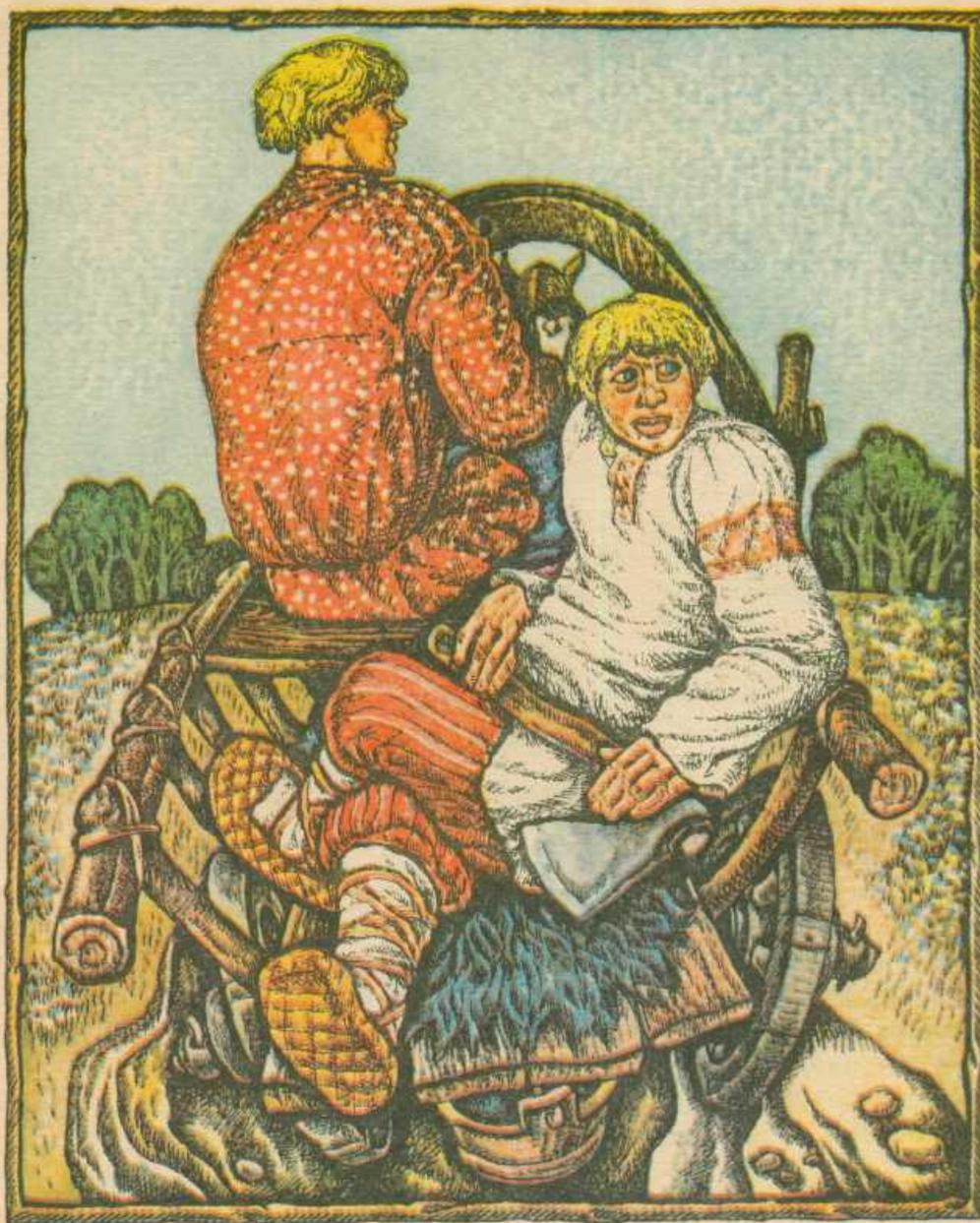
Пирог подала,
Молоком угостила.
Зашила рубашку,
Потом постирала
И рану у дедушки
Вдруг увидала.
И тихо у гостя
Спросила, вздыхая:
— Отец, отчего это
Рана такая?
— От боли-печали,
От горюшка, дочка.
И жить мне осталось
Не дольше денёчка.
— И нету лекарства
От этой болезни?
— Ох, дочка,
Чего говорить бесполезно.
Лекарство-то есть.
И неплохо поможет,
Да только не каждый
Мне дать его может...

Хозяин спросил:
— А лекарство какое?
— О, это лекарство,
Сынок, не простое.
Вот если хозяин
Зажёт свою хату
И пеплом мне рану присыплет,
Тогда-то
Спасен я
И рана закроется эта.
Да только такого
Хозяина нету...

Вздыхает хозяин:
— Как быть нам, Татьяна?
Жена отвечает:
— Перечить не стану.
Ну что нам, подумай,
С тобою рядиться?
Ведь дед, коль умрёт,
То опять не родится.
Так надо спасти
Его жизнь дорогую,
А избу, глядишь,
Наживём и другую.
— Спасибо на слове,
Что сказано — свято.
Давай выноси
Ребятишек из хаты...
Бедняк нахлобучил
Овчинную шапку,
Принёс из сарая
Соломы охапку,
Взял спички, задумался:
«Что будет дальше?»
Добра ему жаль,
А прохожего жальче.
Но вот огонёк
Заплясал воровато —
И в пламени скрылась
Мужицкая хата...
И вдруг на развалинах,
На пепелище,
Поднялся большой
Пятистенный домище.
Красивый-красивый,
С крылечком парадным,
Высокий, широкий,
Просторный и ладный.

Все замерли сразу.
— Вот чудо так чудо!
— Не с неба ли дом?
— Коли нет, так откуда?
— Теперь заживут
Погорельцы счастливо.
— О, чудное чудо!
— О, дивное диво!..
И только прохожий
Ничуть не дивился.
Хозяину низко
Старик поклонился,
Поправил седые
Лохматые пряди.
— Спасибо, родимый,
Что помнишь о правде.
А братья забыли,
Как стали богаты,
Хоть правда дороже
Богатства и злата.
Во все времена
Драгоценна она.
Богатства-то много,
А правда —
Одна!

НУЖДА НАУЧИТ

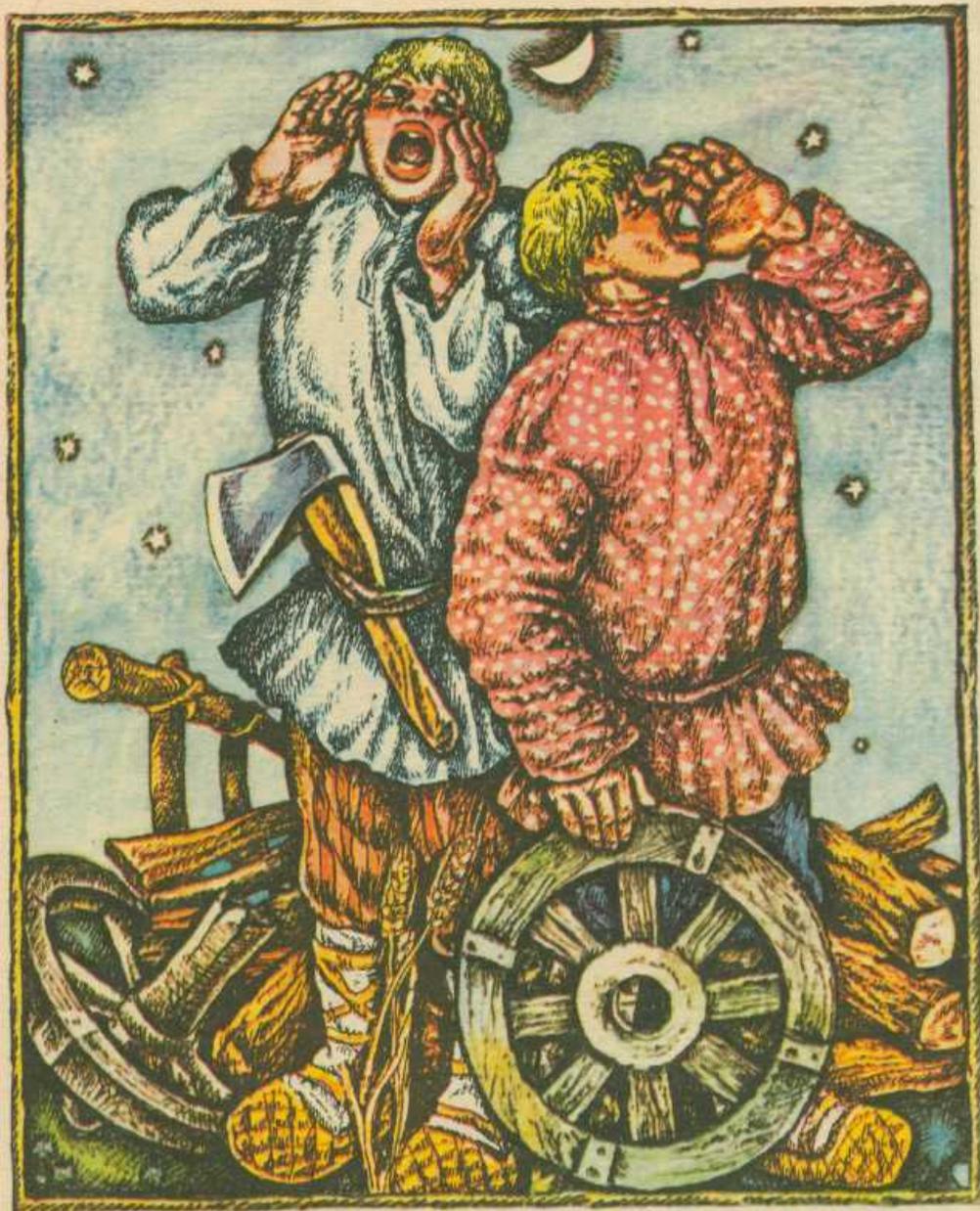

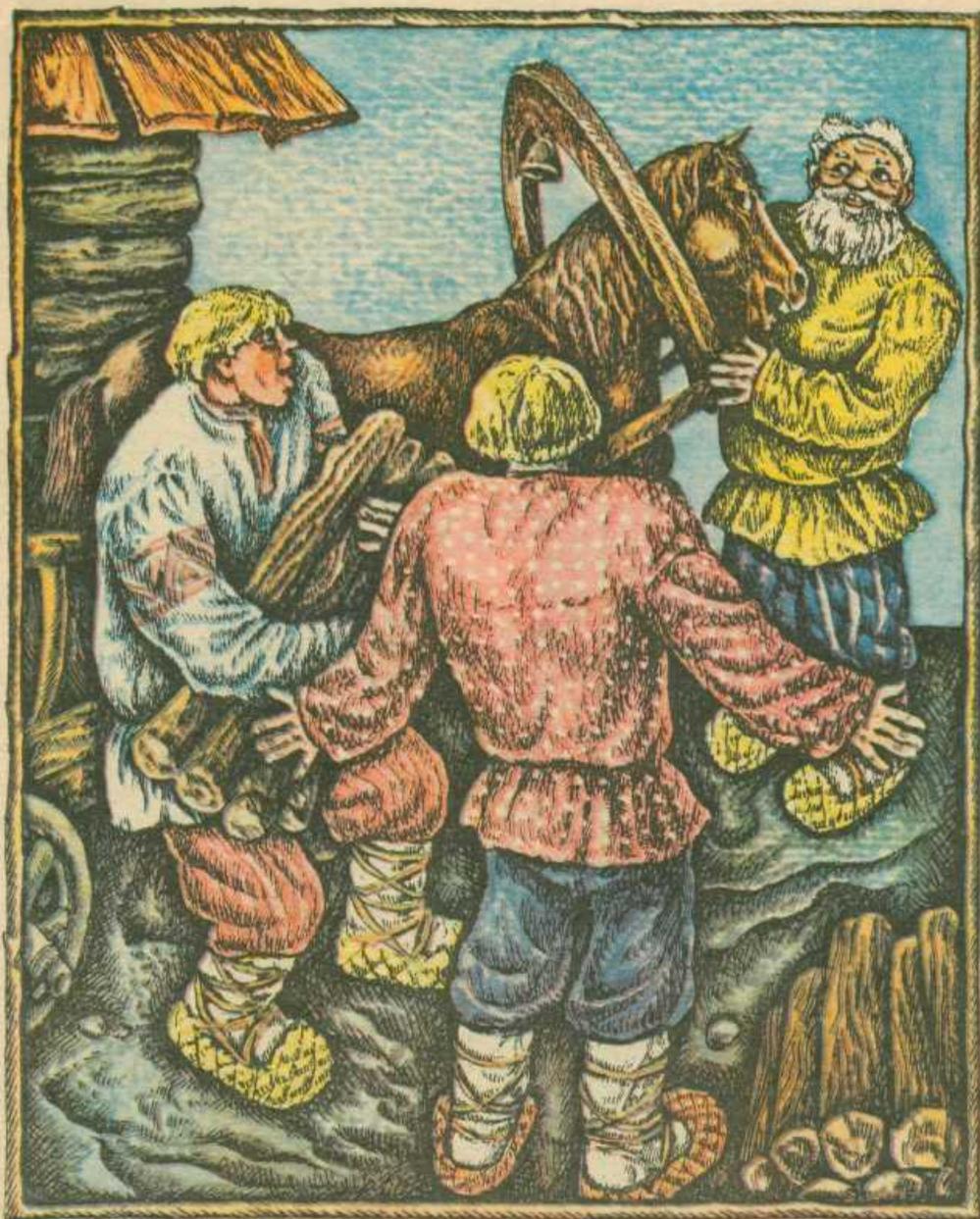
В деревне одной
Жил да был человек.
Он был не богат,
А простой дровосек.
Трудом он кормился
В деревне своей,
К труду приучал
И двоих сыновей.
Сыны подрастали
На радость отцу.
Один к одному,
Молодец к молодцу.
Одно только плохо,
Что дел до конца
Они доводить
Не могли без отца.
Однажды отец
Говорит сыновьям:
— Пора приниматься
За дело и вам.
Я стал уже старым,
Слепым и больным,
И в лес выезжать
Вам придётся самим.
— Мы, батя, согласны, —
Старшой говорит. —
Но вдруг что сломается?
Кто починит?
— Ну, если уж с вами
Случится беда,
Не бойтесь, сыночки,
Научит Нужда.

Вот братья поутру
Отправились в лес.
Румяное солнце

Смеётся с небес.
Часок или два
Потрудились в лесу —
И пахнут поленья
Смолой на возу.
И вот они едут
С дровами назад.
Колёса на кочках
Стучат-гарахтят.
Родная деревня
Видна вдалеке.
И братья за возом
Идут налегке.
Но вдруг по дороге
Несчастье стряслось:
Колёса слетели,
И — надвое ось.
Дрова развалились
Туда и сюда.
А братья решили:
Научит Нужда.
— Нужда-а!
— Эй, Нужда-а! —
Закричали они. —
Телега сломалась,
Иди-и почини-и!..
Кричали, кричали,
Устали кричать,
Но только никто
Не пришёл помогать.
Уж стало смеркаться,
Темнеет восток,
И лёгкой прохладой
Дохнул ветерок,
А братья по-прежнему
В поле сидят,

Ругаются, но —
Ни вперед ни назад.
Вот младший
Топор в свои руки берёт.
— Придется самим,
Раз Нужда не идёт.
Ведь если её нам,
Проклятую, ждать,
То в поле придётся,
Браток, ночевать.
А старший:
— Да брось
Городить ерунду!
Давай подружнее
Покличем Нужду.
Наверно, она
Забрела далеко,
И нас ей услышать
Не так-то легко.
В два голоса братья
Кричать принялись.
Уж вечер спустился,
И звезды зажглись.
Они же кричат всё:
— Нужда-а!
— Эй, Нужда-а!
Да где ж ты, проклятая,
Выйди сюда!..
— Ну нет,—
Младший брат
Начинает опять. —
Я здесь, хоть убей,
Не хочу ночевать.
Пока мы дождёмся,
Придёт ли Нужда,
У нас до колен

Отрастёт борода.
Да может быть,
Самая эта кума
Не может телегу
Чинить и сама.
Чем тратить сейчас
Понапрасну слова,
Давай-ка, браток,
Засучай рукава!

Топор застучал,
Завизжала пила,
Чтоб снова телега
Исправной была.
Вот ось и колёса,
Как прежде, стоят.
— Ну, трогай, гнедая!
— Поехали, брат!..

— Что долго? —
Спросил дровосек сыновей, —
Я думал, управитесь
Вы поживей.
Бывало, вы ждёте,
К обеду меня,
А вам же, сынки,
Не хватило и дня.
— Ах, батя, послушай,
Расскажем сейчас.
Телега дорогой
Сломалась у нас.
Чекушка слетела,
И — ось пополам.
Но, знаешь, Нужда
Не откликнулась нам.

— Мы так её звали,
Просили прийти
И сами телегу
Чинили в пути.
Затратили, батя,
Большие труды,
Зато обошлись
Без хвалёной Нужды...
— Э-эх, дети, — смеётся отец, —
Вот дела-а!
Так это ведь с вами
Нужда и была.
Запомните твёрдо,
Сынки, навсегда:
В несчастье
Любого
Научит Нужда.

разбитая Чаша

Давным-давно на свете жил
Один жестокий хан,
И за жестокость заслужил
Он прозвище Тиран.
В его дворце — ковры, сафьян
Да золото-серебро.
Во всех державах грабил хан
Бесценное добро.
Но драгоценнее всего,
Как голубой рассвет,
Хранилась чаша у него,
Что краше в мире нет...

Однажды хан врагов разбил
Жестоко, как всегда,
Чужие земли захватил,
Разрушил города.
Немало войска потерял,
Чтоб в битвах победить.
И, возвратившись, приказал
О славе протрубить.
И затрубили трубачи
У ханского крыльца,
Да так, что в стенах кирпичи
Шатнулись у дворца.
А голубая чаша вмиг
Упала на паркет,
И разлетелись черепки,
Как пригоршня монет...
Три дня свирепый хан молчал,
Был с горя нездоров,
А на четвёртый день призвал
Известных гончаров.
Как глянул, так сильней огня
Обжёг, а гончары

Поставлена у вас,
То чур не вешайте носы,
Пока не пробил час.
Трёхдневный срок, конечно, мал.
Так дело не пойдёт.
Просите хана, чтобы дал
Он ров*но целый год.
За этот срок я для людей
Не пожалею сил.
Не допущу, чтобы злодей
Невинных погубил...

Проходит двести,
Триста дней.
Кончается и год.
У гончаров в душе больной,
В дугу их горе гнёт.
Подходит срок, а деда нет.
Промчались дни, как сон.
Куда же делся мастер-дед?
Склеил ли чашу он?
О чаша, чаша, чья рука
Твой образ создала?
О сколько слез ты за века
Невинных пролила!
О если б слышал плач и стон
Тот, кто тебя творил,
Тебя без жалости бы он
Тогда ещё разбил...

Вот день последний настаёт.
На хане нет лица.
Он созывает весь народ
На площадь у дворца.
Вокруг и стон, и вопль, и плач,
Но непреклонен хан.

— Казни ослушников, палач!..
И грянул барабан...
И вдруг подъехал дед-гончар
На дряхлом ишаке,
А рядом с дедом — внук Джафа
С большим узлом в руке.
И каждый сразу разглядел,
Что за год мастер-дед
Намного больше постарел,
Чем за сто долгих лет.
Он к обречённым сделал шаг
И руки всем пожал,
И подаёт Джафару знак,
Чтоб узел развязал.
Столпились все вокруг него,
И дружно грянул возглас: «О-оо!..
А кто-то в руки блюдо взял,
Протиснулся вперёд
И обходить тихонько стал
Взволнованный народ.
Бросали в блюдо кто что мог:
Кто серьги, кто халат,
Кто медяки, кто кошелёк,
Кто благодарный взгляд.
Но мудрый мастер возразил:
— Я без даров богат.
Я чашу людям возвратил,
Отцов-кормильцев защитил,
И мне не надо никаких
Подарков и наград...

Он шёл сквозь строй счастливы)
глаз

И слышал вслед слова:
— Не посвятишь ли, дед, и нас
Ты в тайну мастерства?

— В моей работе тайны нет,—
Вздыхнул он тяжело,—
Люблю я с самых малых лет
Родное ремесло.
А тут и весь секрет, сынки:
Ладони всё творят.
Ведь обжигают-то горшки
Не боги, говорят...
А дома внук сказал ему:
— Прошу тебя, мой дед,
Открой хоть внуку своему
Ты мастерства секрет.

Сверкнув единственным зрачком,
Дед слова не сказал,
Забрал кувшины и молчком
Уехал на базар.
«И мне не хочет доверять.
Ах, до чего упряма!
Тогда попробую узнать
Я тайну его сама».
Обшарил каждый уголок
И дедовский сундук,
Но ничего найти не мог
Нетерпеливый внук.
Лишь в куче глины откопал
Он грязный узелок.
А в руки взял да развязал —
И обмер паренёк.
Как полевые васильки
Заголубели вмиг
От чаши ханской черепки...
И тут зубами, как в тиски,
Джафар зажал язык.
И тайны мрак прорезал свет.
И понял всё Джафар,

Что чашу хану
Создал дед,
Столетний дед,
Ослепший дед,
Безвестный дед,
Мудрейший дед,
Великий дед
И нищий дед,
Простой узбек-гончар.
Его бы должен наградить
За подвиг грозный хан.
Его бы чтить да возносить,
Ему бы в золоте ходить.
Ему бы славу протрубить
На весь Узбекистан.
Но дед молчал, чтоб уберечь
Собратьев по труду,
Чтоб гнева хана не навлечь
И не попасть в беду.
Да, лишь теперь Джафар узнал,
Зачем и почему
Усман-ага не открывал
Секрета никому.

А вечером Усман-ага
Был у родного очага.
Ах, как он стал
И слаб и стар!
Всё отняли года.
Но видел в нём сейчас Джафар
Богатыря труда.
Заметно было: дед устал
От долгого пути.
Джафар его под руку взял
И прошептал:
— Прости...

Прости, не знал я ничего,
Мой мудрый аксакал. —
И руки тощие его
Джафар поцеловал.
— Я верю, дед,
Тот день придёт.
Заря для нас взойдёт.
И руки эти
Воспоёт
Наш труженик народ.

И прослезился добрый дед.
— Всё, брат, нам по плечу.
Но я не то тебе в ответ,
Родной, сказать хочу.
Приятны мне твои слова.
Я счастлив:
Понял внук,
Что нет на свете
Волшебства
Волшебней
Наших рук.

КАК МУЖИК СПРАВЕДЛИВОСТЬ ИСКАЛ

Жил в замке громадном
Потомственный граф.
Коварный и жадный,
Не граф, а удав.
Не знал он сокровищам
Счёта-числа,
Но жадность его
Беспредельной была.

Однажды владения
Граф объезжал
И вдруг на горе
Хуторок увидал.
Весь в зелени пышной,
Обвитый плющом,
Стоял там крестьянский
Бревенчатый дом.
«Чудесное место
Для фермы моей!
Здесь можно пасти
И коров, и коней,
Ходить на охоту,
Грибы собирать.
И лес недалёко —
Рукою подать».
— Эй, где ты, хозяин!
Послушай меня,—
Граф стукнул в окно,
Не слезая с коня. —
Продай этот хутор,
Да только скорей.
Он мне приглянулся
Для псарни моей.

Выходит крестьянин,
Снимает картуз.

— О нет, ваша милость,
Продать не могу-с.
Владений у графа
В избытке и так.
Мой дом бедноватый
Для знатных собак.

Разгневался граф:
— Захотелось в острог?
Да я тебя, дерзкий,
Сотру в порошок!
Подумай до завтра.
Зря споришь со мной...

Пришпорил коня
И умчался домой.
Наутро он снова
Явился чуть свет.
— Надумал, дубина?
Продашь или нет?

Крестьянин опять
Поклонился ему.
— Ведь я же сказал:
Не продам никому.
— Ну что ж, — вспыхнул граф, —
Не продашь никому?
Тогда я его
И задаром возьму.
Узнаешь, паршивец,
Кто ты, а кто я...

И вот перед графом
Склонился судья.
— Мы, ваше сиятельство,
Только моргнём

И разом того мужика
Припугнём.
Найдём и закон
На упрямцев таких...
И граф ему высыпал
Горсть золотых.

И вот мужика
Вызывают на суд.
Судья закричал:
— Бунтовать, баламут?!
Граф деньги даёт,
А бессовестный хам
Заладил одно, как дурак:
«Не продам».
А ты соглашайся,
Покуда дают.
Не хочешь — твой дом
Всё равно заберут.
Граф — прав.
Ты, негодный, не знаешь его.
Ему — справедливость
Дороже всего...

И начали судьи
Судить мужика.
День судят.
Мужик не сдаётся пока.
Два судят.
По-прежнему твердо стоит.
Три судят.
Опять «не продам» говорит.
Проходит неделя —
Не сдался мужик.
Запарились судьи
И встали в тупик.

— Видать,— говорят,—
Мужичишка хитёр!..
И вот мужику
Оглашён приговор:
«...Крестьянина одного
С хутора гнать,
А хутор —
Сиятельству графу отдать...»
— Эх, судьи,—с упрёком
Воскликнул мужик,—
Как только у вас
Повернулся язык!
Да где ж Справедливость,
Скажите в ответ?
Неужто на грешной земле
Её нет?
А судьи хохочут,
Листая дела.
— Дурак!
Справедливость давно умерла.
Иди-ка отсюда
И нас не тревожь.
Теперь ты её
Все равно не найдёшь.

Расстроеным вышел
Мужик из суда,
Он шёл, сам не зная,
Зачем и куда.
Хотел он за правдой
Идти к королю,
Рукою махнул
И пошел к звонарю.
— Здорово!
— Здорово!
Давно не бывал,—

Звонарь мужика
Дружелюбно встречал. —
Наверно, с хорошою
Вестью идёшь.
Иль женишь сынка,
Или дочь выдаёшь.
— Нет, сын не подрост,
Да и дочь молода.
Не радость к тебе привела,

А беда.
Таких на земле
Ещё не было бед.
Ведь Правда скончалась,
Теперь её нет...

Глаза звонаря
Потемнели, как ночь.
— Печально, но чем же

Могу я помочь?
— А ну-ка, отходную
Правде ударь...

И с силою дёрнул
Верёвку звонарь.
Гудят, надрываются колокола,
И катится гул
От села до села.
Повсюду
Призывный
Разносится звон...
И хлынули жители
С разных сторон.
Ревут-заливаются колокола.
Народу, как на небе звёзд,
Без числа.
И только одно
Раздаётся кругом:
— Кто умер?
— По ком это звонят? По ком?

Услышал король
В это время набат.
И тоже спросил:
— По усопшим звонят?
— Не знаем,— сказала
Придворная знать.
Король рассердился и крикнул:
— Узна-ать!..

Тотчас распахнулись
Ворота дворца.
Министры отправили
К церкви гонца.

Спешит королевский гонец
Напрямик
И смотрит: навстречу
Крестьянин-старик.
Гонец за рукав
Уцепился его.
— Кто умер?
Кого тут хоронят? Кого?

Крестьянин ответил:
— Ох, плохи дела!
Была Справедливость —
И вот умерла...

Толпа загудела,
А крики и стон
Уже заглушили
Церковный трезвон.
Нет гневу предела,
И хлынул народ
К дворцу короля
И встаёт у ворот.
Толпа всё растёт и растёт,
А гонец
Вбежал, как шальной,
В королевский дворец.
— О ваше величество,
Молвить дозволю!
Скончалась!
— Да кто?
— Справедливость, король.
Вон видите,
Как взбунтовался народ.
Людская волна
И дворец захлестнёт.

Король задрожал
И чуть-чуть не упал.
Ворота и двери
Закрывать приказал.
Услыша за окнами
Говор и крик,
Метнулся король
В королевский тайник.
Но вдруг передумал,
Вернулся назад,
Корону надел,
Золочённый наряд.
И страх и тревога
Не сходят с лица.

И вот он выходит
К толпе из дворца.
— Эй, люди, спокойно!
Вернитесь назад.
Напрасно взбулгачил вас
Глупый набат.
Жива Справедливость-то,
Не умерла!
Она, люди добрые,
Только спала.
Но я королевское
Слово скажу
И мигом её подниму-разбужу.
Без Правды немало
Бывает беды.
Мы все без неё
Что земля без воды.

И он королевское
Слово сказал.
Крестьянину хутор
Вернуть приказал.
А судей и графа,
Что грабить посмел,
В тот день же немедля
Повесить велел...

Народ расходился,
Везде говоря
Об этом правдивом
Суде короля.
А он в этот час
Во дворце заседал
И сам новый штат
Для суда подбирал.
Пришла Справедливость.

— Прошу извинить,
Но, видно, забыли
Меня пригласить.
Ведь суд без меня
Ничего не решит.

— А кто ты такая? —
Король говорит. —
Откуда явилась ты
В наши края?

— Да я же, король,
Справедливость твоя.
Нужна для тебя я
Везде и всегда...

Король усмехнулся:
— Взгляни-ка сюда. —
Бросает монету,
Послышался звон. —
Вот где
Справедливость моя и закон.

Пока у меня
Не пустует казна,
Зачем мне твоя
Справедливость нужна?

— Но Правда, король,
Не товар скобяной.
Её никакой
Не измеришь ценой.
Пред нею бледнеет
Всё злато земли.
Бессильны над нею
И вы, короли...

Король рассердился
И с трона вскочил,
Глазами сверкает.

— А ты помолчи.
За деньги я
Бога и чёрта куплю.
А Правду, коль надо,
Сожгу! Утоплю!..

— Я вижу, что память
Твоя коротка.
Забыл ты, король,
Про того мужика.
Уж если он снова
Ударит в набат,
Тогда короли
И дворцы полетят.
Ты сжечь меня хочешь,
Грозишь утопить,
Чтоб было богатым
Спокойнее жить?
Но Правда живуча,
Тверда, как гранит.
Не тонет она
И в огне не горит.

ОТЦОВСКИЙ КЛАД

Когда это было —
Сказать мудрено.
Возможно, недавно,
Возможно, давно.
Ты сказку сперва
Дочитай до конца...

Три сына могучих
Росли у отца.
Казалось, к любому
Веди хоть быка —
Так свалит быка,
И не дрогнет рука.
Отец их работал
С темна до темна.
Не раз от усталости
Ныла спина.
Но только про отдых
Старик забывал.
И дома, и в поле —
Везде успевал.

А братья всё лето
Лежали в тени.
Отцу помогать
Не хотели они.
Они рассуждали:
«Уж лучше лежать,
Чем в поле работать
И спину ломать».
— Вы что растянулись? —
Дивился народ. —
Под камень лежащий
Вода не течёт.
А братья смеются:
— Какая беда!

Для нас хоть вода
Не теки никогда.

Крепился отец,
Но не мог он стерпеть.
— Не хватит ли, детки,
Без дела сидеть?
Безделье не зря
Осуждает народ.
Без пота
Земля ничего не даёт.
А младший из братьев
В ответ говорит:
— Работа не волк
И от нас не сбежит.

Шли годы.
Отец постарел, занемог
И больше работать,
Как прежде, не мог.
Он даже к столу
Добирался едва.
Всё поле его
Заглушила трава.
А там, где недавно
Был сад молодой,
Поднялся бурьян
Да полынь с лебедой.
Погиб без ухода
В саду виноград,
Но братья работать
Никак не хотят.

Однажды детей
Созывает отец.
— Ну, вот и пришёл мне,

Сыночки, конец.
Как будете жить
Без меня вы, сынки?
В дому ни копейки,
Ни горсти муки...

И ёкнули сразу
У братьев сердца.
Они прослезились
И просят отца:
— Прости нас,
Хоть нам и прощения нет.
Но дай нам, отец,
Напоследок совет.
Скажи нам, что делать?
С чего начинать?
В дому опустевшем
Как жить-вековать?

— Ну что ж, дорогие,—
Отец отвечал,—
Открою вам тайну,
Какую скрывал.
Я лишнего в жизни
Не ел и не пил,
И золота
Целый горшок накопил.
Зарыл его где-то я
В нашем саду,
Но где — не припомню
И сам не найду.
Найдёте, сыночки, мой клад —
И тогда
К вам в дом не придёт
Ни беда, ни нужда...

Отца схоронили
И стали тужить:
— Нам не на что, братцы,
И хлеба купить.
— Теперь хоть, как нищий,
Берись за мешок..
— А может, поищем
Отцовский горшок?..
Вот братья проворно
Лопаты берут
И начали ямки
Копать там и тут.
Где ямку вполчетверти,
Где вполвершка,
Но нету нигде
Никакого горшка.
— Не-ет, если мы будем
Лишь ямки копать,
Отцовского клада
Нам век не сыскать,—
Заметил задумчиво
Старший брат. — „
Уж если взялись,
Так вскопаем подряд...

И вот зазвенели
Лопаты опять.
Как братьям хотелось
Горшок отыскать!
Работали жадно,
В поту и пыли,
Но то, что искали,
Нигде не нашли.
— Да-а, клады, видать,
Не даются легко.
А может, зарыт он

Отцом глубоко? —
Сказал средний брат. —
Так чего же гадать?
Давайте попробуем
Глубже копать.

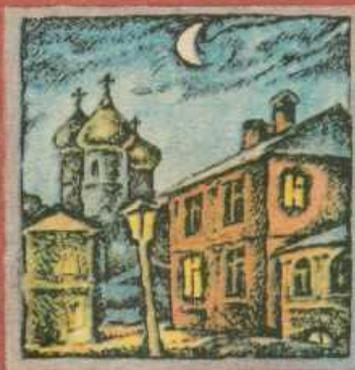
Копали, копали
Который уж час!
Рубахи свои
Выжимали не раз.
И вдруг младший брат,
Просияв, закричал:
— Идите скорее!
Я клад отыскал!..
Он слышал, как, будто
Желанью в ответ,
Лопата ударилась

В твёрдый предмет.
И, пот рукавом
Вытирая с лица,
Он мысленно видел
Червонцы отца...
Все трое взялись
В этом месте копать.
Устали. Никто
Не хотел отдыхать.
Вот взяли,
Вот подняли...
Только глядят,
Что был это камень валун,
А не клад.
Забросили камень
В глубокий овраг,
Но дела бросать
Не хотели никак...
И стала земля,
Как перина, мягка,
Но не было в ней
Никакого горшка.
— Эх, батюшка,—
Младший с укором сказал,—
Наверно, во сне ты
Горшок увидал.
Зачем это ты нам
Про клад говорил?
Ведь столько напрасно
Затрачено сил!
— Что ж, землю вскопали,—
Сказал старший брат. —
Так, может, посадим
На ней виноград?
Пусть гроздья на лозах,
Как прежде, растут,

Тогда хоть труды
Не зазя пропадут...
Сказали — и сделали...
В том же году
Разросся густой
Виноградник в саду.
А время настало —
Созрел виноград.
Тяжёлые гроздья
На лозах висят.
И вспомнили братья
Отца-старика.
В дому появились
Вино и мука.
И братья, потуже
Набив кошелёк,
Признали:
— Так вот он
Отцовский горшок!
Не зря мы вскопали
Землицу подряд.
Нашли мы в земле
Драгоценнейший клад.
И прав был отец,
Говоря нам про пот:
«Без пота — земля
Ничего не даёт».

Для младшего школьного возраста

Евгений Степанович Ларин

КУЗНЕЦ

Редактор *О. Казакова*
Художественный редактор *В. Иванов*

Технический редактор *Л. Борисова*
Корректор *Р. Богданова*

ИБ № 807

Сдано в набор 06.01.81. Подписано к печати 14.04.82. Формат 70у90/н..
Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Академическая». Печать офсетная. Усл.
печ. л. 3,22. Усл. кр. отт. 13,23. Уч. изд. л. 3,63. Тираж 100 000.

Цена 25 коп. Заказ 192.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15.

Госкомиздат РСФСР. Полиграфическое производственное объединение
«Офсет» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Волго-
градского облисполкома. 400001, Волгоград, ул. КИМ, 6.